

Валерий ТИШКОВ

*директор Института этнологии и антропологии РАН,
член-корреспондент РАН, член Общественной палаты РФ*

Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического и межрелигиозного согласия

Если возникнет серьезный кризис, тем более, в форме открытого насилия, связанного с межэтническими отношениями, межрелигиозными, тогда это грозит гораздо более серьезными последствиями. Ясно, что Москва от этого не исчезнет, город не исчезнет. Крупные города, мегаполисы периодически переживали и переживают такие ситуации, но это всегда большая и серьезная травма, которая остается надолго и свидетельствует, прежде всего, о провале управления, т.е. о неэффективном управлении и о недостаточно точном анализе со стороны экспертов, которые обязаны анализировать и в какой-то мере предвидеть ситуацию. Я скажу немного об этой проблеме, как о проблеме крупного мегаполиса, но сначала по программе сделаю несколько объявлений.

Мы приглашали сюда тех, кто занимается этими вопросами, в том числе и журналистов. Вот Эдуард Исакович Коман задал вопрос, в котором содержался и ответ, сколько у нас примерно в Москве людей, которые занимаются этой проблемой, которые все это обсуждают. Ну, может быть, сотня-две. И действительно, сегодня я вижу здесь очень много наших коллег, с которыми мы многие годы сотрудничаем, кто действительно обеспокоен этой проблемой, обладает должной компетенцией и, конечно, как всегда недостаточно журналистов. Хотя я вручал в пятницу на заседании Общественной Палаты приглашения Гусеву Павлу Николаевичу, я имею в виду редактора «Московского Комсомольца», Сагалаеву, Сванидзе, Председателю Ассоциации журналистов (забыл сейчас ее фамилию), тоже члену Палаты. Однако мы не должны расстраиваться по поводу того, что у нас недостаточно здесь журналистов, я думаю, что наш разговор мы зафиксируем, сделаем его в качестве какого-то документа, доклада, поместим его на сайт или на несколько сайтов и разошлем во все основные органы и СМИ. Мы также подготовили для участников круглого стола ту литературу, которая уже была подготовлена сотрудниками нашего института и не только института. Здесь есть работы и группы сотрудников из Института Африки, Центра цивилизационных и региональных исследований. Это достаточно хорошие наработки, их можно использовать, они неплохо известны среди журналистского состава. Поэтому то, что вы получите в результате этого семинара такую библиотечку, – это тоже хорошо, я думаю, что сможете как-то поделиться, проинформировать журналистов, активистов различных организаций и ассоциаций, и у нас есть еще какие-то экземпляры, которыми мы готовы поделиться.

Мы предполагаем заслушать несколько лекций, выступлений наших ведущих специалистов в этой области, в программе они обозначены. Мы сделаем небольшой перерыв до обеда, через час-полтора, затем с двух до трех обед, и потом еще полуторачасовая заключительная дискуссия, дебаты, где вы можете высказать какие-то рекомендации. Вот такая у нас программа и если вы не возражаете, я хотел бы начать работу нашего круглого стола с доклада на тему: «Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического и межрегионального согласия».

Есть некоторые вещи, которые, мне кажется, для науки достаточно ясны и тривиальны, но которые порой терзают политиков, не всегда посвященных в научную экспертизу. Помню, несколько лет назад была такая дискуссия среди руководителей правительства Москвы, которые этим вопросом занимались. Опять же ссылаюсь на Э.И. Комана, он тогда задавал этот вопрос: «Является ли Москва многонациональным мегаполисом или Москва это моноэтнический город?», исходя, видимо, из пропорции населения. Если 80 или 90% – русские, то можно ли город называть многонациональным? Нет никаких сомнений в том, что все города мира, особенно крупные города, многоэтничны, многокультурны и многоконфессиональны. Я не знаю таких городов, которые бы в этом отношении представляли собой гомогенное целое с точки зрения культуры. Это не только особенность сегодняшнего дня. Вот еще одно второе заблуждение, которое есть. Это, насколько мне известно, вписано историей, было всегда, то, что сегодня представляется сосредоточием ненависти, межрасовой и межрелигиозной, и представляется, порой, как невозможность существования... Я помню, как один мой коллега-американец доказывал это на примере Сараево. Он пытался доказать, найдя какие-то цитаты из дневников, из каких-то воспоминаний, что Сараево всегда было местом, где ненависть звучала в колоколах церквей или в голосе муэдзина. На самом деле, всегда можно найти какие-то сноски в документах или свидетельства очевидцев, которые могут говорить в пользу этой позиции, но, тем не менее, не будем забывать, что доказательств того, что основная история складывается в крупных городах из мирного сотрудничества многоэтничного населения – это факт на всех этапах истории. Иначе не были бы построены ни церкви, ни эти мечети, не были бы построены сами города, ибо они могут возникать только в дни мира, а не в дни войны и вражды.

Сам факт существования, процветания, сосредоточения грандиозных исторических, культурных, технологических ценностей в крупных городах говорит в пользу того, что это есть результат и доказательство мирного сожительства, сотрудничества людей разных культур, разных верований, разных традиций. Более такого яркого подтверждения найти трудно. Естественно, что Москва с самого своего зарождения всегда была таким сосредоточием, перекрестком и диалогом культур. Почему? Потому что мегаполисы, в отличие от сельских поселений, где население занято в аграрной экономике и их пространственная подвижность, мобильность, их

потребности принципиально другие, основаны на обмене, на торговле, на контактах, на открытости и на мобильности населения, и уже это говорит о том, что города не могут быть монокультурными. Кроме того, города – это большие поселения, тем более, я говорю о мегаполисах, в отличие от изолированных общин или небольших по размеру сельских поселений. Если в маленьких общинах, в деревнях, действуют некие табу на брачные контакты, чтобы избежать кровосмешения, чтобы сохранить здоровье людей и считается предпочтительным находить брачных партнеров как минимум из соседних деревень, но не из своей деревни, то в мегаполисах всегда есть такое смешение, не только **пространственное**, но и непосредственно **физическое** смешение людей разных культур, разной крови. Таким образом, смешанные браки, наличие смешанного населения – еще одна особенность всех мегаполисов. Третий миф в том, что города, мегаполисы, состоят из народов: «в нашей Москве проживает 100 наций и народностей, в нашей префектуре, районе, в нашей школе учится 50 народов и т.д.». В Москве живет один народ – российский, по своему составу многонациональный, многоэтничный, многорелигиозный, и, наверное, нет не только ни одной префектуры, ни одной школы, ни одного класса, где бы были люди одной национальности и одного даже физического фенотипа. Ясно, что значительная численность населения мегаполисов – это потомки смешанных семей.

Не знаю, считали мы или нет, но будем этим заниматься, однако вся наша социология, этнография исходили до этого из того, что у человека может быть только одна национальность. Во всех наших опросниках мы опрашиваем русских, татар, азербайджанцев, но хотя бы один вопрос задали человеку смешанного происхождения? Такого просто нет в наших опросниках, в нашем представлении, мы о них не знаем, такие люди нам не интересны или мы не хотим о них знать и т.д. Мы следуем старой советской процедуре, что у человека должна быть одна национальность, он должен быть или только татарин, или только евреем, или только русским и никем другим. Мы как бы упрощаем ситуацию, которая существует в стране, в городах, тем более в крупных городах, и вот эта культурная сложность, не только на уровне того, что в городах живут представители более 100 наций и народностей, но и наличие культурной сложности на уровне отдельного человека упускается из виду. Значительная часть населения (я затрудняюсь сказать, насколько значительная часть этого населения) представляет собой людей, которые живут в двух, трех, в нескольких культурных традициях, достаточно счастливо для себя и с пользой для своего личного преуспевания. Не говоря уже о том, что они просто обязаны испытать лояльность, привязанность к языку, культуре своей матери и своего отца, если так случилось, что те – люди разных культур, разной национальности и даже, может, люди разных религиозных убеждений.

Еще один миф, который существует и по поводу которого мне хотелось бы высказаться, состоит в том, что якобы в человеке его

этничность, его культура, его собственная идентичность построена на культурной оппозиции «я – они» или «мы – они», и для того, чтобы быть русским, надо себя противопоставить татарину или еврею. Эта простенькая структурная бинарная оппозиция представляет рудимент структурализма, который наше мировое обществознание уже лет двадцать как более – менее изжило. Мы говорим сегодня о том, что для того, чтобы человеку себя как-то идентифицировать и утвердить, для этого ему не нужно себя с кем-либо противопоставлять, тем более в негативном плане. Этничность осуществляется в результате взаимодействия человека с носителями определенной культуры или группы, в которой он состоит, в результате фундаментального взаимодействия с любыми другими системами, группами или институтами. Это не обязательно должен быть другой народ, это может быть государство например. Чеченцы утвердили свою идентичность со времени войны не потому, что они противопоставляли себя русским, а потому, что их бомбили самолеты федеральной армии, и их город. Поэтому фундаментальным здесь было взаимодействие группы с государством, точнее значительной части группы, инициаторов вооруженной сецессии. Люди утверждают себя в значительной мере и чувствуют, начинают чувствовать себя (неважно, хорошо или плохо) от того, что их каждый раз могут останавливать в метро и напоминать, заглядывая в паспорт, что они таджики или выходцы с Северного Кавказа, для этого им не нужно противопоставление «мы-они». Поэтому утверждение, что человек запрограммирован, или носитель той или иной культуры, этничности запрограммирован на противопоставление, которое имеет негативный оттенок (противопоставление «к своим относятся лучше, чем к другим» – постулат нашей науки, очень долговременный) – он очень сомнителен.

Конечно, солидарность легче выстраивать с людьми, которые схожи с тобой и говорят на одном языке, а тем более, если твой родной язык другие не понимают, для коммуникации различных сообществ, особенно специфических (криминальных и др.), здесь соплеменники или люди сходной культуры легче выстраивают отношения. Но, тем не менее, люди выстраивают свои коалиции солидарности, легко пересекая этнические и другие границы, и строят свою солидарность на основе интереса, будь-то меркантильного, будь-то идеологизированного и т.д. Не зря родилась мысль, что преступность не знает национальности. Поэтому здесь имеет место смесь разных мотивов, и говорить, что этнический фактор является основой коалиции и солидарности – это очень уязвимо, это может быть так, если мы берем малые субгомогенные сообщества, деревни, где их территориальная солидарность обусловлена еще и тем, что они живут вместе, что это единый коллектив, одновременно и территориальный, и этнический, поэтому мы здесь как бы стираем, не замечаем этот фактор.

Но в крупных городах никто не отрицает, что этничность или этническая солидарность может быть одним факторов взаимодействия людей, выстраивания коалиций, коллективов и т.д., но, тем не менее,

гораздо чаще мы видим, что этничность – далеко не самый главный фактор. Начиная от рабочих производственных коллективов, например, наш Ученый Совет ИЭА и наш коллектив и все другие, мы видим, что совсем другие факторы – поколенческие, гендерные, профессиональные – гораздо более важны для выстраивания взаимодействия между людьми, особенно в крупном городе. И на эту тему нужно, конечно говорить, к этому нужно внимательно присматриваться и нужно, конечно, развенчивать упрощенные мифы и представления.

Наконец, еще пара моментов, о которых я бы хотел сказать. Это вопрос о пользе многонациональности, или многоэтничности, культурной мозаичности. Есть некий постулат, что чем сообщество многообразнее, многокультурнее, тем богаче та или иная страна, это является богатством современной России. Более того, современная наука говорит и подтверждает, что чем человек культурно сложнее, чем больше знает языков, чем он более восприимчив и вобрал в себя множество элементов различных культурных систем, тем он успешнее, богаче и интереснее. Это действительно так, но есть не менее популярная формула о том, что существует некий коренной устойчивой образ жизни, к которому люди привыкли, будь-то город или деревня. Этот образ жизни, эти основы жизни, основы воспроизводства – основа традиции и залог благополучия, и всякое вмешательство, всякое разрушение его изнутри и извне вредны и оказывают негативное воздействие. Есть много для этого оснований, академических или псевдоакадемических аргументов, что каждый этнос, чтобы сохранить свою чистоту должен иметь не более 15% смешанных браков в своем составе, иначе начинается эрозия этноса, или внутри его образуются химеры, которые начинают разъедать, разлагать этнос изнутри. Есть представления, что вновь прибывающие элементы несовместимы, невосприимчивы, они носители другой цивилизации, других цивилизационных норм, и плюс еще – они не только разрушают культуру, но они подвергают дискриминации, эксплуатации основное население. Особенно это имеет место в крупных городах, проецируется не столько на иноэтничных, сколько на новых жителей иммигрантского происхождения. Это старый миф, старый концепт, в нем есть некоторые, но очень слабые аргументы, и с этим надо разбираться, этому нужно противопоставлять более зрелые и трезвые оценки и подходы.

Ясно одно, что смешение и миграция – всегда были условием развития, они всегда были в истории, с верхнего палеолита. Сколько мы знаем историю человечества, люди двигались, прежде всего, этим отличались городские сообщества, и всегда было смешение. Вот мне Марина Юрьевна рассказала потрясающий аргумент в пользу этого тезиса. Она недавно читала лекцию, и слушатели чуть было не сорвали ей занятие из-за того, что обсуждали вопрос о том, какой вред наносят мигранты и вообще, зачем к ним относиться толерантно. Потом в конце лекции она попросила поднять руки тех, кто родился в Москве, и из всей аудитории поднялась только одна рука, и как раз этот человек выступал в пользу

толерантного отношения к мигрантам. Поэтому если мы посмотрим, то две трети сегодняшних москвичей – эта та самая рязанская лимита, извините за грубость, родители которых два-три десятилетия назад сюда приехали и были новожителями города Москвы. И если мы посмотрим на политиков, которые сегодня закатывает истерику и говорят, что Россия разрушается и Москва гибнет в результате иммигрантского нашествия, то сами-то они когда, откуда приехали? Вот, например, Гродировский (антропоток), когда приехал в Нижний Новгород... Он пригласил специально Сергея Петровича Полякова из МГУ, оплатили тому пребывание, тот сидел на даче, в каком-то пансионате, ездил на нижегородский рынок, изучал, какой вред Нижнему Новгороду приносят мигранты из Средней Азии.

Но хоть один кто-нибудь изучал, какую пользу приносят мигранты Москве или стране в целом? Хотя бы одну статью вы читали или серию статей, книг на эту тему? Когда я спросил Сергея Гродировского, сам-то он откуда приехал, он, оказывается, из Крыма приехал, лет десять назад. А те же Затулин и другие – они же сами мигранты, откуда они приехали? Вот это есть личностный, эмоциональный аспект, связанный с комплексом утверждения. Я обратил внимание, что всегда люди из смешанных семей становятся самыми большими националистами, осетинскими, например, или еврейскими религиозными фундаменталистами, как наши бывшие советские эмигранты в Израиле. Вот этот феномен очень интересен, и он требует отслеживания. Не говоря уже о том, что за этими чувственными отношениями стоят не столько какие-то врожденные этнические или генетические установки, сколько коллективный и частный интерес, очень часто меркантильного, корыстного плана. Не только Москва отличается антимигрантскими установками, фобиями и т.д., но и многие другие города. Я долгие годы занимался Северной Америкой, США и Канадой, в том числе иммигрантской проблемой и знаю, что каждая новая иммигрантская волна отдавала себя, жертвовала, подверглась сверхэксплуатации предыдущими миграционными волнами и доминирующим обществом.

Но они жертвовали, чтобы утвердить себя, чтобы их детям жилось лучше, а потом уже как бы отыгрывались на следующей волне вновь прибывших. Это такой коллективный эгоизм.

Вот когда мы говорим, как решить проблему миграции и антимигрантских фобий, я говорю о том, чтобы начать с себя. Я Митрофанову, кажется, говорил, вот у вас есть поселок, ЛДПРовский, вы уберите из него сотню-две таджиков (я даже не ездил туда, не знаю, где он, но я уверен, что у вас там не меньше 100-200 таджиков, узбеков, которые ваш поселок обслуживают, если у вас там три десятка коттеджей). Вот уберите их, почистите Москву от грязи, как вы говорите, или же прекратите пользоваться их услугами по ремонту квартир, уходу за детьми, при готовке пищи и т.д. Начните с этого, а потом уже очищайте от торговцев станции метро и т.д.

От того, что мы сами, почти каждый из нас, недоплачиваем за труд гастарбайтеров и мигрантов, мы тем самым воспроизводим и участвуем в этой системе сверхэксплуатации, а она возможна только в том случае, если мы держим этих людей в приниженном состоянии, т.к. если мы будем бороться за их права, за их достоинств, за такие права как у нас или как у остальных, или коренного населения, тогда же надо и платить им столько же. Поэтому такое психологическое давление позволяет недоплачивать няньке или кому-либо другому, в отличие от того, если на эту работу будет взят кто-либо другой. Я уже не говорю про бюрократию, которая имеет прямые от этого взятки, это у всех на слуху. Но я говорю о более широком феномене и проблеме, которая воспроизводится и на которой питается антимиграционизм и ксенофобия. Это морально-этическая проблема фактически всего общества, о которой мы почти не говорим.

Наконец последнее – о некотором опыте решения проблем, которые есть, за которыми я наблюдал в ходе своих занятий этими сюжетами, даже вот по итогам проведения более 10 семинаров за рубежом нашей Сетью этнологического мониторинга. Подчеркну, что это не только проблема Москвы или других крупных российских городов, это проблема мировая. Кажется, в 1992 г. весь центр Лос-Анджелеса (Даун-таун) был разгромлен стихийными выступлениями, утратой контроля со стороны милиции и общества неорганизованной толпой, которая состояла в основном из представителей этнорасового меньшинства – афроамериканцев, а также выходцев из Пуэрто-Рико и Мексики. Это был огромный рынок в центре Лос-Анджелеса, сейчас его не существует, так называемый оптовый рынок (очень похожая ситуация, кстати, как и у нас) – все было сметено абсолютно, армия была введена. Я как-то говорил, почему Европейский парламент тогда принял резолюцию «Вторжение американской армии в Лос-Анджелес»? Это также как принятие резолюции «Вторжение русской армии в Чечню» в январе 1995 г. Так вот, армия была введена, меры были какие-то приняты, и это тогда навело меня на мысль, что бывают ситуации массового выхода из правового пространства, которые основаны на таком взрыве. Д. Горовитц написал большую книгу по поводу стихийных бунтов, выступлений, мобилизация которых происходит на этнической, религиозной или расовой основе.

Мы знаем и другие случаи. В Индии (Аёччо), где лет десять назад был разгромлен сначала индуистский, а потом мусульманский храмы, и жертв было несколько сотен. Мы знаем разделенные города, когда видели стену, которая разделяет уже почти 20 лет Ольстер и Белфаст в Северной Ирландии – Ольстере и многие другие вещи. И вот последнее, что касается пригородов Парижа, эти массовые выступления. Когда я выступал у Познера на эту тему, я сказал, что мы очень часто обращаемся к этому опыту, следуя русской поговорке: «Нельзя на себе показывать», заболит это или будет такая же проблема. Вот мы стараемся все то, что происходит в мире, сейчас же на себе примерить. Вот и у нас будет, вот обязательно сейчас будет! Конечно, такая эмоционально-драматическая реакция, такое

апокалипсическое карканье, оно саморазрушительно и обезоруживающе. Ясно, что когда были события во Франции, особенно сейчас, когда они уже проанализированы (Елена Ивановна Филиппова была в это время во Франции, она уже выступала), что там было и что последовало, можно сделать соответствующие выводы.

Кто может сказать, сколько выслали, депортировали из Франции? Очень мало. А вот мы, не они, а мы выслали из-за событий во Франции больше, чем они в пять раз. Поэтому речь должна идти о том, чтобы события, которые происходят и кажутся нам похожими, более адекватно анализировать и самое главное - извлекать уроки из того, как, столкнувшись с тем или иным кризисом, который нам кажется сходным с нашим, те ли иные политики, общества выходят из этого положения.

В этом отношении, мне кажется, в Москве я бы оценил ситуацию следующим образом. Может, со мной не согласятся, но, наблюдая ситуацию в Москве больше чем 10 лет, в течение 15 лет с точки зрения профессионального интереса, Москва, прежде всего, благодаря Правительству, один из немногих крупнейших мегаполисов мира, где этническое, религиозное многообразие достаточно мирно, успешно уживается, причем с грандиозной пользой для развития этого мегаполиса. Я не знаю примера в истории других стран, по крайней мере, в XX веке, в его второй половине, чтобы такой огромный город за десять лет полностью преобразился с точки зрения многих своих улучшений – инфраструктуры, сферы обслуживания, питания, транспорта, в том числе и качества жилья. Эти грандиозные улучшения и преобразования, трансформации, они не всегда адекватно воспринимаются, тем более как позитивные, т.к. общество перегружено переменами. Социологи, наверное, знают такой феномен перегрузки общества переменами, когда даже позитивные перемены могут восприниматься как негативные, потому что привычный образ жизни, он если и проще, беднее, но меньше решений принимать, меньше крутиться нужно, он кажется проще и лучше, это не только поколенческая ностальгия, здесь и другие есть вещи. Здесь плюс еще индоктринация, которая идет со стороны старого поколения или политическая заангажированность со стороны политической оппозиции или части экспертного сообщества, которое не чувствует себя участником этих преобразований. Эта индоктринация тоже очень важна, особенно, касаясь журналистов. Там работают в основном люди молодые, они сами не помнят, не видели или мало что видели, поэтому они воспринимают дословно такие утверждения, что страна вымирает, что в Москве полмиллиона бездомных детей. Сами они не видели, что там умирают, но с удовольствием это повторяют, что у нас бездомных больше, чем в гражданскую войну и т.д. Хотя я, вернувшись месяц тому назад из Нью-Йорка и Вашингтона, по сравнению с Москвой, большей нищеты и безысходности не видел, перешагивая через каждые сто метров через спящего на улице гражданина США. Да, конечно, можно встретить бездомных, маргинальных людей, особенно в районе вокзалов, но так

чтобы на каждом углу каждый уголок квартала со всех четырех сторон был занят людьми, которые спят в коробках, – такого я не видел. Тем не менее, никто не говорит, что США катится в пропасть, что Америка вымирает, умирает и т.д.

В этом отношении Москва не только продемонстрировала грандиозный прорыв, он скорее должен быть отнесен не столько на пользу многоэтничного состава, сколько на возможности рынка, либерализации, и сосредоточие финансов в столичном городе, эффективное управления, но и все-таки то, что здесь сосредоточены люди с разными взглядами, умениями, подходами, традициями. Ну, немножко турки подызуродовали архитектурный облик Москвы, но это поправимо, с этими башенками, но то, что они здесь построили, и все это за 10-15 лет было освоено, - это, конечно, грандиозный прорыв.

Поэтому тот факт, что за все эти годы не было таких массовых беспорядков коллективного характера, за исключением случая в Лужниках, когда перекрыли Комсомольский проспект представители азербайджанских торговцев (я даже не могу сказать, что общины), я других таких массовых крупных выступлений не знаю. Это говорит о том, что Москва – все-таки достаточно толерантный город, и этому нужно отдать должное. Если мы не будем говорить об этом, утверждать это, не выделять это, не писать про это, не изучать это, тогда и ориентиров нет. То, что в Москве в последние, особенно, годы утверждаются такие фобии в отношении лиц с Кавказа, из Средней Азии и иммигрантов, я рассматриваю не только как реакцию основного населения, которое склонно порой проецировать свои проблемы на присутствие других, объяснять тем, что другие во всем виноваты. Когда-то евреи были во всем виноваты, теперь азербайджанцы и узбеки, и в наркотиках, и в ценах, и в грязи, и в болезнях. Дело в том, что есть еще, и на это нужно обратить внимание, воздействие со стороны тех, кто производит эти субъективные представления. Это научное сообщество, это масс-медийное структурное сообщество и, конечно, политики. Они, хотя и составляют 3-5% населения, но формируют представления людей. Вот этот феномен индоктринации, ему в науке современной, общественности, все больше и больше уделяется внимания. И понимается, что все эти наши опросы, общественное мнение – это не что иное, как мы замеряем реакцию, успешно ли я выступил, или друг мой, неделю назад или вчера вечером по телевидению или нет. Не говоря уже о том, как формулируются вопросы. Если вы будете задавать вопросы типа: «А как вы относитесь к тем, кто разбогател в последние годы?» или «А как вам удастся сводить концы с концами?». Не нужны мне ответы, я уже знаю, какие будут ответы. Точно также как и, казалось бы, невинный вопрос: «Как вы относитесь к людям другой национальности?», вместо того, чтобы задать нейтральный, косвенный вопрос, касающийся общения, о том, кого человек знает, с кем контактирует, кто у него бывает в гостях, с кем у него дети дружат или он сам, мы спрашиваем об *отношении* к людям *другой* национальности. И если мы внимательно

проинвентаризируем тот инструментарий, с которым мы работаем, мы даже в себе найдем очень много того, что должно уже меняться.

Вот я, помню, еще лет десять назад про это говорил, сейчас бы в суд на «Известия» подал, на самую уважаемую газету, только за то, что считается общепринятым, во всех сводках, информациях или сведениях о судебных процессах, об арестах или о преследованиях национальность подсудимого сообщается, а национальность судьи, свидетеля, суда присяжных почему-то нет. Вот цыгане, братья цыгане, их осудил первый суд присяжных в Ростове лет десять назад, а вот кто арестовал, кто статью написал?... Вот он бы указал: я, украинец, статью пишу, так нет, он просто фамилию указывает, он не подписывает, что он журналист, украинец такой-то, но обязательно укажет, что у него подсудимый украинец.

Эта чувствительность, она не всегда нами сознается, а вот то, что она воздействует на людей напрямую или косвенно, – это факт. Вот, кстати, чего я опасался в связи с событиями во Франции, это того, что в человеке есть (антропологи это знают) *социальное, культурное и физическое*. Не зря есть термин «обезьянничество», в человеке есть эта способность обезьянничания – способность повторять, имитировать, это часть поведения любого животного существа, в т.ч. социального существа, которым является человек. Поэтому обезьянничество по поводу изготовления «коктейлей Молотова», поджигания машин для меня было самым тревожным во всех этих репортажах, реакциях, обсуждениях, объяснениях того, что происходило во Франции. А вот кто этим мог бы воспользоваться? Как раз этим могли воспользоваться, к счастью, этого не произошло, совсем другие – скинхеды, ультраправые и т.д., как раз для того, чтобы изгнать меньшинства, чтобы не допустить подобного повторения, как в Париже, чего-то подобного в Москве. Вот эта проблема имитации и использования методов разрушения, насилия, она недостаточно нами оценивается и на это нужно обратить внимание. Ну и, конечно, в Москве есть вещи, которые нужно и дальше разрабатывать и утверждать, прежде всего, конечно, правовые аспекты.

Конечно, правонавязывание является основным ключом, вот эти миротворчество, толерантность – это все очень важно, мы этим занимаемся, но это следует после того, как общество и государство осуществляют главную свою функцию – заставляют людей жить по правилам, по законам, без этого нет ни одного человеческого общества. Вы знаете, пилигримы, которые приблизились на корабле «May flower» к берегам Америки, прежде чем высадиться на берег, написали документ, который явился предтечей американской Конституции «May flowers agreement», Мейфлауэрское соглашение, где они, не сходя на берег, написали некоторые нормы и правила, по которым они собирались жить. Если бы они не сделали этого, они могли бы себя перебить. Сегодня установлено, что первые поселения викингов 11 века в Ньюфаундленде в Канаде погибли, исчезли не из-за того, что им не хватило пищи, и не из-за

того, что их местные аборигены уничтожили, какой первоначально была версия, а из-за внутренних споров и распрей, просто сами себя перебили.

Поэтому правонавязывание и исполнение закона – это первейшая функция, это основа основ, если этого не будет, то массовый выход из правового пространства станет тривиальным явлением. Люди склонны выходить, они будут объяснять: «Вы знаете, кормить детей нечем, поэтому я осетра вылавливаю» (так мне один браконьер сказал), а у него катер за \$7000, на котором он этого осетра ловит. Люди всегда будут находить объяснения. Тем не менее, правопорядок первичен по отношению к той форме, в которой он осуществляется. Демократия, авторитаризм и т.д. – все это потом, сначала порядок надо определить, а уже потом можно говорить, лучше он или хуже, т.к. без порядков, без законов, без норм не может существовать человеческое общество. Поэтому в этом отношении обеспечение прав, норм, правопорядка и закона в стране, а тем более в сложных мегаполисах, является основой основ. Так что правовые аспекты межэтнических отношений в крупных мегаполисах, они лежат в основе основ. Таким образом, нам нужно, быть может, больше работать с милицией, а не с журналистами. Может быть, один из круглых столов в будущем году мы проведем именно с этим сообществом. Одну брошюру сейчас опубликовали, в ней рекомендации для политиков, милиции, но этого пока очень мало.

И второй вопрос, который связан. Это не только правопорядок, навязывание правопорядка и обеспечение его, а создание климата, установок толерантности на взаимодействие, открытость. Хотя я сегодня говорил, что здесь много мифологии, тем не менее, индоктринация и конструирование представлений – это пока жесткая реальность, т.е. никто не говорит, что совсем этого нет в реальности – это есть, и этим надо заниматься, потому что, если сфера этничности, межрелигиозного, межэтнического взаимодействия в значительной мере символическая, а не генетическая вещь, как я сегодня пытался вас убедить, как современная наука к этому все больше обращается, то и методы воздействия и управления тоже должны носить символический, идеологический характер, т.е. характер воздействия, убеждения. В этом отношении я уверен это достаточно благодатная материя. Я уверен, что если мы посмотрим на детей, которые играют в одной песочнице во дворе и если мы увидим в тот момент, когда они играют, что их мамы сидят в разных углах (русские мамы в одном, ингушские в другом, а украинско-молдавские – в третьем, а дети в одной песочнице играют), если мы увидим, что это все внедряется в голову человека по мере социализации, то, естественно, у нас большие ресурсы и мы можем здесь многое сделать.

Однако есть одна специфика, на которую я в последнее время обращаю внимание. Простые, упрощенные, примитивные формулы, установки и принципы всаживаются в голову, усваиваются гораздо легче, чем вещи, связанные с толерантностью. Что такое толерантность? Это не просто терпение. Терпимость – осознанная, воспитанная установка, это не

от того, что я спокойно выношу, что рядом с церковью стоит мечеть. Терпимость – это когда я, представитель русского православия, помогаю своим соседям-мусульманам мечеть строить, а они в свою очередь оказывают помощь мне. Толерантность – осознанное действие, активная установка, поэтому она дается не так просто, требуется определенный образовательный уровень, определенная подготовка, но у нас население достаточно образованное, это не индусские деревни и не мексиканские.

Есть, однако, еще одна вещь. Высокий уровень образования человека еще не значит, что тот толерантный. Наоборот, уровень образования и воспитанности может придать еще более изощренный характер нетерпимости, еще более изощренные аргументы и обоснования этих позиций. Поэтому здесь есть свои сложности и здесь все не так просто. Но внедрить в голову, которая представляет собой *tabula rasa*, т.е. в голову недостаточно образованного, воспитанного, информированного человека, простенький ваххабитский постулат или брошюрку в десять листов он прочитает «Азбука русского национализма», то там запечатается это настолько сильно, что потом придется его заставить прочитать сто книг, чтобы выдолбить это из головы. Путь в экстремизм, интолерантность, террор, террористские или экстремистские доктрины гораздо проще, чем путь назад. Поэтому задача, которая перед нами стоит, она, конечно, очень сложная, и я надеюсь, что мы с ней справимся.